

9.

Вы заметили конечно, что мы уже миновали нашу восьмую встречу, и возможно надеялись, что к этому моменту наступит ясность – что-то вроде откровения Восьмого дня. Вы не ошиблись. Оно поселилось здесь с самой первой встречи. Только следует помнить, что ясность – если хотите, можете называть её истиной – это не вещь, не предмет, который можно взять в руки, надёжно спрятать и доставать в периоды смятений. Она существует в движении, растёт и развивается вместе с нашими поступками и мыслями, и наше устойчивое стремление к ней как раз свидетельствует о её несомненном существовании.

Жажда, как сказал австрийский писатель Франц Верфель – лучшее доказательство существования воды. Если бы в мире не было воды, человек не мог бы чувствовать жажду.

Теперь я готов пойти вам навстречу и признать, что есть у нас право, когда мы получили некоторое представление о том «почему», когда наша совесть и помыслы чисты, задуматься на эти несколько минут о том, *зачем* всё это существует. То есть, если не ходить вокруг да около – зачем существуем мы, к чему могут быть устремлены наши благие усилия. Согласитесь и вы, что интонация вопроса несколько поменялась, он звучит спокойнее, из него ушёл надрывный оттенок горечи. Но вдруг становится очевидным, что спрашивать некого, что вопрошающий и отвечающий – это одно лицо. Сама жизнь ставит перед нами этот вопрос, и это нам надлежит на него отвечать. А неповторимость каждого человека, ситуация, в которой он находится в каждый данный момент, и их своеобразие как раз и являются основными составляющими смысла человеческой жизни.

Нужно только безоговорочно принять два условия.

Первое: человек чувствует потребность в творчестве и испытывает радость от её удовлетворения. Если такой потребности нет, он не соответствует своему статусу «подобия Божьего» и не может в полной мере считаться человеком. Под творчеством же имеются в виду самые разные области применения человеческих способностей – главное, чтобы эта деятельность приносила в мир нечто новое, не существовавшее прежде.

Второе: человек не может творить против своей совести.

Мы много раз убеждались, что человек способен быть абсолютным чудовищем.

Он сумел сотворить зло и сильно укрепить его в мире. Родилось оно в тот момент, когда человек впервые обнаружил, что можно быстрее, чем ожидалось, приобрести всё, что он считал для себя необходимым, за счёт других людей – их слабостей, доверчивости или нерасторопности. Когда у него это получилось, пример оказался соблазнительным, и вскоре рядом с привычным добром в мире поместилось зло. С тех пор каждый рано или поздно встаёт перед выбором, которого прежде не существовало. А у добра появилась необходимость быть заметным, чтобы в таком выборе соперничать со злом, что ему по природе его несвойственно, ибо добру не нужно доказывать свои преимущества – и ему это не очень удаётся. Зло же, охотно пользуясь и этим обстоятельством, как уже было отмечено, успело очень широко и прочно обосноваться.

В основе своей человек от рождения расположен к добру, и ему легко было бы совершать этот выбор, раз уж он ему с некоторых пор предложен, но он естественным образом рассчитывает на опору в равном, по меньшей мере, присутствии в мире добра и очень часто такого присутствия не наблюдает. Во всяком случае, зло ведёт себя гораздо более вызывающе и громко. А чувство опасности, сопутствующее иногда его предприятиям, сообщает ему даже оттенок некоторого воодушевления, иллюзию жизненной силы. При этом, зная об отсутствии у себя подлинных прав, оно научилось сочинять самые разные обоснования своего изначального, домирного существования, используя такие сложные инструменты сознания, как философия и даже религия, которая помогла, например, злу придумать образ вечного Дьявола – романтического соперника Творца. Да и сама, как бы основополагающая идея Первородного греха, перешедшая из Ветхого в Новый Завет, хитроумно распределяет зло на всех без исключения. Но оно началось не в Раю, а здесь на Земле, как и первый общий грех случился уже здесь.

Злу ничего не светит. В отличие от добра у него нет онтологического основания, оно не укоренено в бытии и является всего лишь продуктом человеческой деятельности. Так что переоценивать его засилье не стоит. Просто естественное поведение человека вдруг приобрело возбуждённую, нервическую окраску противостояния злу. Если и говорить о противостоянии в мире и о выборе, стоящем перед человеком, то это выбор между Бытием и небытием, между человечностью и природной инерцией биологической человеческой заготовки.

На самом же деле никакого выбора нет. Есть совесть, языком которой говорит добро, и этот негромкий голос каждый из нас всегда отчётливо слышит, и он не имеет ничего общего с ожиданием наказания. До тех пор пока человек мотивируем страхом наказания или надеждой на вознаграждение – совесть еще не сказала своего слова. А пока зло ещё буйствует, достаточно всего лишь настойчиво использовать уже созданный нами по совету добра инструмент права. И поскольку он несовершенен, постольку стараться совершенствовать его, прислушиваясь всё к тому же голосу совести.

«Но как же боль и смерть? - спросите вы, - Не ярчайшее ли это проявление зла?»

Боль и смерть – не зло, а естественные условия нашего существования в этом мире, они совсем не обязательно должны приносить невыносимые страдания. Это ещё одна пагубная уловка зла – даже такие основополагающие явления обращать себе на пользу, как бы укореняя, проталкивая свои права к самым основам мироздания.

Мир был создан именно таким неспроста и не по чьему-то злому умыслу. И даже обыкновенный здравый смысл может легко продемонстрировать нам, что удивительный механизм непрерывного биологического воспроизводства неизмеримо сложнее и этически предпочтительнее беспредельного размножения вечной жизни. Нас ведь страшит не смерть сама по себе, а преждевременная или мучительная смерть. Можно конечно спорить о том, сколько следовало бы человеку в среднем жить – сто лет или двести, или пятьсот, но это спор праздный, несерьёзный. Мы ведь знаем, что человек способен совершить свою выдающуюся судьбу и в 40, и в 30 лет, так что можно считать, что срок нам предоставлен со щедрым запасом.

Что же касается боли, то простейшее из объяснений очевидно: мы сами готовы согласиться с охранительной ролью боли, предупреждающей нас об опасностях, окружающих нас в природном мире со всех сторон. Нетрудно вообразить, что в

отсутствие болевых ощущений человек не выжил бы неизбежного соприкосновения с огнём, холодом, ранящими предметами. И даже более сложные болевые ощущения исходящие от организма и предупреждающие о начале болезни как будто служат той же цели биологического выживания. В этом отношении проект мироздания, основанный на живой природе выглядит безупречным.

Труднее оправдать боль, сопутствующую неизлечимой болезни. Или боль предсмертной агонии. И та и другая ни от чего не спасают, являясь скорее предвестниками неотвратимого конца. Даже если мы соглашаемся принять конечность нашей жизни, как фундаментальный закон природы, остаётся неясным, почему сам по себе печальный акт расставания должен сопровождаться ещё и физической болью.

Можно было бы к одному из природных законов отнести и некое необходимое равновесие противоположных ощущений и согласиться, что раз уж нам выпадает в жизни некоторая доля удовольствий и радостных переживаний, надо же чем-то за это платить. А среди возможных форм расплаты боль, с точки зрения не склонной слишком задумываться о средствах природы, пожалуй будет самой простой и естественной.

Но тут приходится вернуться к вопросу о выборе. Согласен ли любой из нас искать удовольствий и радостных переживаний, твёрдо зная о последующем мучении? Хотя есть среди нас вероятно и такие. Разумеется, никто не живёт постоянной мыслью о грядущем страдании и уж безусловно не вспоминает о нём в счастливые мгновения. Но если мы всё же говорим о самом человеке, во всей сложности его бытия, в его двойственной принадлежности и к природе, и к высшей созидательной силе – можно спросить: что сама эта высшая сила имела в виду, награждая своё уникальное творение обречённостью на такой мучительный баланс?

Одна из догадок может быть связана со свойственной человеку слабостью и с заложенным в мироздании механизмом, позволяющим такую слабость, если не преодолеть, то хотя бы не поощрять.

В целом обычного человека смерть пугает. Следует приложить много интеллектуальных и духовных усилий, чтобы ослабить этот страх тем или иным представлением об устройстве мироздания, о соотношении времени и вечности, о бессмертии каждой личности. Не всем это по силам, и далеко не все склонны совершать такой труд. А течение событий тем временем приводит каждого к различной, часто никак не соответствующей обстоятельствам его жизни и его достоинствам мере испытаний, нередко включающих и физическую боль и душевные страдания от одиночества, от невыносимых, неоправданных утрат.

Если представить себе, что смерть, конец земного существования, а с ним и возможности вновь и вновь встречаться со страданием – легка, никак не связана у человека с мыслью о боли, скольким из нас показалось бы желанным покинуть этот эксперимент, сохраняя глубоко внутри хотя бы и самую слабую, но надежду, что не всё со смертью кончается? И сколько задумавшихся о самоубийстве сохраняли бы мужество и терпение выносить эти муки до тех пор, пока мера их не превысит даже страх предсмертной агонии?

Но по замыслу Творца, как представляется, у человека есть миссия, и за то время, которое ему отпущено природой, он должен постараться её осуществить. В конце концов, предполагается, что это совместная с Творцом миссия, добровольное и воодушевлённое сотрудничество. Самовольный, односторонний отказ от него не делает человеку чести, как

бы ни склонен он был в трудные минуты об этом забывать. А посему, не прямым, опосредованным приёмом дружественная рука Всевышнего удерживает его от этого шага, отстраняет от мысли о смерти, делает её непривлекательной.

Однако, есть и такие, кто держит данное слово и не помышляет о бегстве. Чем следует объяснять их предсмертную муку? Их не так уж мало. Иногда их самосознание так глубоко, что они способны и эту боль ставить в ряд со всеми остальными потерями в противостоянии с природой во имя возможности участвовать в Творении. Но возможно они знают, что осуществимо и такое мироздание, в котором отсутствовали бы невыносимая боль, преждевременная или насильственная смерть и опустошающие страдания. И как раз его-то, может быть, и есть шанс у человека сотворить, руководствуясь опытом того мира, в котором он себя обнаруживает, включая все его стороны. Творчество же как раз и предполагает овладение энтропией, взаимодействие с хаосом, излечение болезней, осуществление этических требований – неограниченное совершенствование мироздания.

Нет, это будет не вечным блаженством и безмятежным богообщением, а всего лишь благородным и благодарным творческим трудом созидания небывалого.

Стоило ли соглашаться участвовать в этом эксперименте, каждый решает сам. Но, пожалуй, исполненный добра Высший Разум не стал бы творить этот мир, не получив нашего согласия.

В прозрениях Христа это звучит так:

«Прославь Меня Ты, Отче... славою, которую Я имел у Тебя прежде бытия мира».